

Чайлд М.

**Добрые
ручки.
Сказки
на
НОЧЬ**

Чайлд М.

Добрые ручки. Сказки на ночь

«Автор»

2025

М. Ч.

Добрые ручки. Сказки на ночь / Ч. М. — «Автор», 2025

«Сказки на ночь: Добрые ручки» — это волшебный сборник из 20 глубоких и трогательных историй, которые говорят с ребёнком на языке сердца. Каждая сказка — это не просто приключение, а настоящее путешествие в мир эмоций, где юные герои учатся исцелять обиды тишиной, чинить время вниманием, выращивать сады из забытых воспоминаний и находить свой голос в симфонии мира. Здесь старый маяк зажигает огонь надежды, разбитая скрипка играет музыку исцелённых сердец, а в лавке стеклодува можно починить собственное отражение. Эта книга — мягкий и мудрый проводник для детей (и их родителей!), который поможет понять свои чувства, принять свои особенности и увидеть, что самая настоящая магия рождается из доброты, смелости и веры в себя. Идеально для чтения перед сном, чтобы засыпать с уверенностью, что в мире всегда есть место чуду, а внутри тебя — целая вселенная, полная добрых ручек, готовых этот мир обнять.

© М. Ч., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Рассказ 1: «Шарфик, который умел обнимать»	5
Рассказ 2: «Сердце, которое светилось в темноте»	7
Рассказ 3: «Ключ от вселенной Насти»	9
Рассказ 4: «Тихая музыка Лёши»	11
Рассказ 5: «Птенчик, который не умел летать»	13
Рассказ 6: «Секрет старого маяка»	14
Рассказ 7: «Библиотека забытых мелодий»	16
Рассказ 8: «Хранительница тишины»	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Чайлд М.

Добрые ручки. Сказки на ночь

Рассказ 1: «Шарфик, который умел обнимать»

В уютной квартире, где пахло свежей выпечкой и яблоками, жила девочка по имени Машенька. У Машеньки был самый лучший друг на свете – длинный, пушистый, разноцветный шарф, который ей связала бабушка. Он был не просто теплым, он был волшебным. Но Машенька об этом пока не знала.

Однажды утром, собираясь на прогулку в парк, Машенька заметила на краешке шарфа маленькую дырочку.

– Ой! – расстроилась она. – Мой любимый шарф!

Мама посмотрела и сказала:

– Ничего страшного, вечером зашью. А пока можно надеть другой.

Но Машенька не хотела другой. Она аккуратно сложила шарф в сумку – вдруг пригодится.

В парке было весело и шумно. Дети лепили снеговиков, катались на санках и играли в снежки. Машенька присоединилась к ним. Игра была в самом разгаре, когда вдруг она услышала тихий-тихий писк. Он доносился из-под скамейки.

Девочка наклонилась и увидела там маленького рыжего котенка. Он сидел, съежившись в комочек, и отчаянно дрожал от холода. Его шерстка была покрыта инеем, а глазки смотрели испуганно и грустно.

– Бедняжка! – прошептала Машенька. – Ты совсем замерз.

Она протянула руку, но котенок испуганно отпрыгнул. Нужно было срочно его согреть, иначе могло случиться беда. И тут Машенька вспомнила про шарф в своей сумке!

Она достала его, осторожно приблизилась к котенку и ласково заговорила с ним:

– Не бойся, я тебе помогу.

Машенька не стала пытаться поймать котенка. Она просто аккуратно, как одеяльцем, накрыла его своим разноцветным шарфом. Дрожь стала потихоньку утихать. Котенок уткнулся носом в мягкую шерсть и перестал пищать. Казалось, шарф излучал не только тепло бабушкиных рук, но и саму доброту Машениного сердца.

Через несколько минут из-под шарфика показалась любопытная мордочка. Котенок выглядел уже не таким испуганным.

В это время мимо проходил старый пес Барри с хозяйкой. Он прихрамывал на переднюю лапу.

– Ой, смотри, Барри, какая прелесть! – сказала хозяйка, заметив котенка. – Но ему здесь одним будет холодно.

Машенька рассказала про найденного котенка. Хозяйка Барри вздохнула:

– Я бы забрала его, но у меня уже есть Барри, и он не очень-то любит кошек.

И тут произошло чудо. Барри, обычно ворчливый, подошел, обнюхал комочек в шарфе и... лег рядом, согревая его своим телом. Видимо, он понял, что перед ним такой же нуждающийся в помощи малыш.

Машенька улыбнулась. Она аккуратно сняла шарф с котенка и повязала его на шею Барри, чья старая куртка плохо защищала от ветра.

– Держи, тебе тоже будет теплее.

Вскоре нашлась и хозяйка для котенка. Ею стала девочка из соседнего дома, которая как раз мечтала о питомце. Она принесла переноску, и счастливый, согретый котенок отправился в свой новый дом.

Вечером Машенька рассказала все маме и бабушке.

– И знаешь, бабуля, – сказала она, – когда я разворачивала шарф, чтобы отдать девочке для котенка, я увидела – дырочка куда-то пропала!

Бабушка подмигнула:

– Конечно, пропала. Добрые дела зашивают любые дырочки лучше любой иголки. Ты подарила шарфу самое главное – возможность согреть того, кто в этом нуждался. Он стал не просто теплым, он стал по-настоящему волшебным. Потому что он научился по-настоящему обнимать.

Машенька крепко обняла бабушку. Она поняла, что доброта – это как самый уютный шарф на свете: чем больше ты им окутываешь других, тем теплее становится тебе самому.

А ее разноцветный шарф тихо лежал на стуле и улыбался во все свои мягкие петли. Он был готов к новым объятиям.

Рассказ 2: «Сердце, которое светило в темноте»

На самой окраине города, там, где асфальт сменялся полевыми тропинками, стоял маленький, совсем старенький домик. В нем жил дедушка Ефим. Он был мастером на все руки: чинил часы, точил ножи, а по вечерам вырезал из дерева удивительные фигурки – птиц, зверей и смешных домовят. Но в последнее время в его доме стало очень тихо. Дети выросли и уехали, а соседи всегда куда-то спешили. Дедушка Ефим чувствовал себя забытым и ненужным, и его доброе сердце постепенно покрывалось легкой печалью, словно тонким слоем пыли.

Он перестал зажигать на ночь фонарь на крыльце, как делал это раньше для запоздалых путников. «Кому он нужен?» – думал он.

Как-то раз поздним вечером, когда дедушка уже собирался ложиться спать, в его окошко постучали. Стук был очень робким и несмелым. На пороге стояла маленькая девочка, а за ее спиной густела темнота осенней ночи. В руках она сжимала потухший фонарик-брелок в виде светлячка.

– Здравствуйте, – прошептала она. – Я... я заблудилась. У меня фонарик сломался, и я испугалась идти одной в темноте. Я видела ваш дом... точнее, я его почти не видела, но мне показалось, что он выглядит... добрым.

Дедушка Ефим от удивления на мгновение онемел. Его дом – добрый? Он проводил девочку в комнату, усадил за стол и налил ей чаю с малиновым вареньем.

Девочку звали Лиза. Пока она согревалась, дедушка Ефим взял ее сломанный фонарик. Он аккуратно вскрыл крышечку, поправил отогнувшийся контакт, вставил новую батарейку из своего запаса – и фонарик снова загорелся, излучая мягкий уютный свет.

– Вот и отлично, – улыбнулся дедушка, возвращая его Лизе.

– Вы волшебник! – радостно воскликнула она.

– Нет, я просто старый мастер, – покачал головой Ефим.

– Но вы починили не только фонарик, – серьезно сказала Лиза. – Вы починили мой страх. Теперь мне не страшно.

Эти простые слова тронули что-то в глубине дедушкиного сердца. Пыль печали слегка пошевелилась.

Когда папа Лизы, обеспокоенный ее долгой прогулкой, пришел за ней, она уже всюю помогала дедушке раскладывать инструменты и с восторгом рассматривала деревянные фигурки.

– Дедушка, – сказала она на прощание, – а почему у вас на крыльце не горит фонарь? Мама говорит, что раньше он всегда горел и было очень красиво.

Дедушка Ефим замялся.

– Да так, забываю... – соврал он.

Лиза посмотрела на него своими честными глазами и вдруг протянула ему свой только что починенный фонарик-светлячок.

– Держите. Тогда вы не забудете. Он будет вам светить, а вы будете его зажигать для других. Это же так важно – быть нужным кому-то в темноте.

И она убежала, держась за руку отца.

Дедушка Ефим остался стоять на пороге с маленьким теплящимся в его большой ладони фонариком. Сердце его билось громко и радостно. Он почувствовал, как с него осыпается вся пыль грусти.

Он не пошел спать. Он нашел старый керосиновый фонарь, тщательно его вымыл, заправил и зажег. И вынес его на крыльцо. Яркий, теплый свет озарил тропинку, скамейку и старую яблоню.

Проходивший мимо сосед, удивившись, остановился.

– Ефим, давно не видел у тебя огня! Красиво. Ладно, побегу.

– Постой! – крикнул ему вслед дедушка. – Неси-ка свой, у тебя же на заборе фонарь есть, давай зажжем и его! Чтобы всем было светлее!

И вот уже горели два фонаря. Затем третий, на доме напротив. Потом четвертый. Жители тихой улицы, увидев этот пример, будто вспомнили что-то важное, стали зажигать свои крыльечные и садовые огни.

Через час вся улица сияла и переливалась десятками огоньков, как гирлянда. Она стала уютной, безопасной и по-настоящему доброй.

Дедушка Ефим сидел на крыльце, грел руки о свой зажженный фонарь и вглядывался в теплую даль. Его сердце, которое он считал старым и забытым, светилося изнутри ярче любого фонаря. Оно снова было нужно. Оно снова обогревало мир. И он знал, что больше никогда не позволит этому свету погаснуть.

Рассказ 3: «Ключ от вселенной Насти»

В одном классе с Сашей и Матвеем училась девочка по имени Настя. Но она была не такой, как все. Настя почти никогда не разговаривала, на переменах сидела в уголке с книжкой, а ее глаза смотрели куда-то далеко-далеко, как будто она постоянно что-то высчитывала в уме или слушала музыку, которую не слышал никто другой. Ребята шептались, что она «странная» или «себе на уме», и постепенно перестали с ней заговаривать. Настя жила в своей собственной, невидимой для других скорлупке.

Только однажды, на уроке рисования, когда учительница попросила нарисовать «космос», Настя вдруг вывела на листе не обычные кружочки-планеты, а сложнейшую паутину из линий, точек и спиралей. Она была красивой и завораживающей, но никто, кроме учительницы, сказавшей сухое «интересно», этого не заметил.

Как-то раз после уроков Саша задержался в классе – искал свою любимую ручку. Все уже ушли, и в тишине он услышал странные, ритмичные постукивания. Любопытство заставило его заглянуть в пустой кабинет труда.

Там сидела Настя. Перед ней лежала горка самых обычных пуговиц – больших и маленьких, деревянных и пластиковых, разноцветных и однотонных. Но то, что она делала, было необыкновенным. Ее пальцы двигались быстро и точно, как у фокусника. Она брала пуговицы и без единой нитки, каким-то невероятным образом, сплетала их друг с другом. Они цеплялись друг за дружку выступами, петлями и дырочками, образуя не просто цепочку, а сложные объемные фигуры: то цветок, то звезду, то диковинного зверька.

Саша замер, наблюдая за этим волшебством. Он боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть. Это было гениально!

На следующий день Саша, поддавшись порыву, подошел к Насте на перемене.

– Привет! Я вчера видел, что ты делаешь из пуговиц... Это так круто! – выпалил он.

Настя вздрогнула, словно её поймали на чем-то запретном. Её глаза расширились от страха. Она сжалась в комочек и молча покачала головой, отрицая всё. Ребята вокруг захихикали: «Саша, ты с кем разговариваешь? С пришельцем?»

Саша покраснел и отошел. Он чувствовал себя глупо и неловко. Он хотел сделать как лучше, а получилось как всегда. Казалось, дверь в мир Насти захлопнулась навсегда.

Весь вечер Саша думал о Насте. Он понял, что слова – не всегда лучший ключ. Нужно было найти другой способ показать, что он не хочет её обидеть, а наоборот – восхищается.

И ему в голову пришла идея. Он порылся в бабушкиной шкатулке и нашел старую, очень красивую пуговицу темно-синего цвета, с узором, напоминающим галактику. На следующий день он дождался, когда Настя выйдет из класса, и положил эту пуговицу ей на парту. Рядом он не написал ни слова. Это был просто подарок. Молчаливый знак того, что он видел. Что он понял.

Когда Настя вернулась и увидела пуговицу, она несколько минут просто смотрела на нее. Потом осторожно взяла в руки, повертела, рассматривая узор. А затем медленно подняла глаза и посмотрела прямо на Сашу. И впервые он увидел не испуг и не отстраненность, а искорку удивления и... интереса.

На большой перемене она подошла к его парте и молча поставила перед ним маленькую фигурку. Это был брелок, сплетенный из пуговиц, – идеальный шарик-планета с аккуратными кольцами вокруг, как у Сатурна.

– Это... тебе, – тихо сказала она, и ее голос прозвучал хрипло, будто от долгого молчания.

Саша был на седьмом небе от счастья. Он не стал забрасывать её вопросами. Он просто улыбнулся и сказал: «Спасибо. Он прекрасный».

С этого дня всё изменилось. Настя не стала душой компании, но у неё появился друг. Иногда они просто молча сидели рядом, и Саша наблюдал, как рождаются её удивительные пуговичные вселенные. А однажды она сплела огромную, в целую стену, карту звездного неба для школьного коридора, подписав каждое созвездие. Ребята обступили ее с открытыми ртами, и шепот «странная» сменился шепотом «гений».

Оказалось, что ключ к самому замкнутому человеку – это не громкие слова, а тихое, искреннее уважение к его внутреннему миру. И этот ключ можно было найти в самой обычной, самой простой вещи. Даже в пуговице.

Рассказ 4: «Тихая музыка Лёши»

В небольшом городке, где все друг друга знали, жил мальчик по имени Лёша. Он был совсем обычным, кроме одной особенности: Лёша почти не разговаривал. Не потому что был грустным или обиженным – просто слова живут у него внутри, и выпускать их наружу было страшновато. Взрослые шептались: «Неразговорчивый», а дети, бывало, дразнили его «немым» или «букой». Лёша слышал это и уходил еще глубже в себя, как черепаха в свой панцирь. Его главным убежищем стал заброшенный палисадник у старого дома, где он любил проводить время.

Однажды девочка Маша, которая жила по соседству, гналась за своим укатившимся мячиком. Мяч закатился как раз в палисадник, где сидел Лёша. Маша, уже готовая извиниться и убежать, замерла на месте.

Лёша её не видел. Он сидел на старой скамейке, спиной к ней, и что-то делал с руками. И оттуда, из-под его пальцев, доносился звук. Но это была не музыка в обычном смысле. Это был тихий, ритмичный, абсолютно hypnotizing шелест. Он был похож на стрекот кузнечиков, на шуршание листы и на отдаленный ручеек одновременно.

Маша осторожно заглянула сбоку. В руках у Лёши был самый обычный, потрепанный школьный учебник. Но мальчик проводил пальцами по разным участкам бумаги – по гладкой обложке, по шершавому корешку, по тонким страницам – и из-под его прикосновений рождался тот самый удивительный шелестящий ритм. Он был сосредоточен и серьезен, как дирижер перед большим оркестром.

Маша невольно ахнула от удивления. Лёша услышал, резко обернулся и сжался, будто пойманный на месте преступления. В его глазах вспыхнула паника. Он сгреб книгу и прижал к груди, готовый к обороне.

– Что ты делаешь? Это так красиво... – начала Маша.

– Ничего! – отрывисто бросил Лёша, его голос прозвучал сипло и непривычно громко. Он вскочил и хотел убежать.

– Подожди! – крикнула ему вдогонку Маша. – Правда, это было похоже на музыку!

Но Лёша уже скрылся за дверью своего дома. Маша подобрала свой мяч и ушла, чувствуя, что совершила какую-то ошибку, разрушила что-то хрупкое и важное.

На следующий день Маша снова пришла к палисаднику. Лёша сидел на своем месте, но книгу не доставал. Он смотрел в землю. Маша села на противоположный конец скамейки. Она не смотрела на него и ничего не говорила. Она просто достала из кармана несколько новых тетрадок – одна была с глянцевой обложкой, другая – с матовой, третья – с бархатистой на ощупь. И положила их на скамейку между ними.

Потом она встала и отошла на несколько шагов, делая вид, что рассматривает старый дуб.

Лёша с недоумением посмотрел на тетради, потом на уходящую Машу. Он медленно, будко не веря, потянулся к самой шершавой из них. Провел пальцем по обложке. Раздался сдержанный, бархатный ш-ш-шуршак. Уголки его губ дрогнули.

С этого дня между ними установилось странное, молчаливое соглашение. Маша приносила разные виды бумаги: пергамент для выпечки, наждачку, шелковистый картон, гофрированную упаковку. Она садилась неподалеку и просто слушала.

А Лёша учил её свой язык. Он показывал, что быстрый скользящий удар по гляncу звучит, как капля, а медленное трение о бархат – как вздох. Он складывал листы в трубку, чтобы получить глухой барабанный бой, и терл их друг о друга, создавая шум ливня.

Как-то раз Маша не выдержала и отбила ладонью ритм по коленке – простенький «та-та-та». Лёша замер, а потом повторил его точь-в-точь, проведя ребром ладони по ребристой поверхности гофрокартона.

Это был их первый дуэт.

Вскоре о необычном «оркестре» узнали другие ребята. Они уже не дразнили Лёшу, а с интересом наблюдали за репетициями. А на школьном празднике талантов Лёша и Маша устроили настоящий перформанс. Они назвали его «Бумажная симфония». Под руками двух друзей зазвучали упаковочные коробки, журналы и даже шуршащие пакеты. Зал замер, а потом взорвался оглушительными аплодисментами.

Лёша так и не стал большим болтушкой. Но он нашел способ рассказать всему миру обо всем, что было у него на душе. И мир, затаив дыхание, слушал его тихую, шуршащую музыку. Он понял, что даже если твой голос не похож на другие, он все равно может найти отклик в чьих-то сердцах. Нужно лишь найти того, кто захочет его услышать.

Рассказ 5: «Птенчик, который не умел летать»

Во дворе, где росла старая раскидистая липа, случилось маленькое несчастье. Из гнезда, свитого на самой высокой ветке, выпал неуклюжий птенец. Он был совсем еще глупыш, с большими испуганными глазами и редким пухом на теле. Малыша звали Пик. Он лежал в густой траве и жалобно пищал, поднимая голову к своему уютному дому, до которого было так далеко. Он очень хотел летать, но его крылышки были еще слишком слабыми и не слушались.

Первым его обнаружил рыжий кот Васька. Он уже подобрался поближе, пошевеливая усами с хитрющим интересом, но на шум сбегались ребята. Кота прогнали, а птенца осторожно подняли. «Надо вернуть его в гнездо!» – сказала девочка Катя. Но гнездо было так высоко, что даже папа Кати, который был самым высоким во дворе, не мог до него дотянуться. Лестницы такой тоже не было. Малыша положили в коробку из-под shoes и стали думать.

Совсем скоро над коробкой собрался весь совет мудрейших дворовых жителей. «Накормить его надо червяками!» – советовал один мальчик. «Нет, ему молока нужно!» – возражала другая девочка. Пик отворачивался и от вареной яичной крошки, и от капельки молока в pipette. Он тосковал по дому и тихонько попискивал. Стало ясно, что просто накормить и оставить его здесь – нельзя. Над ним с криками кружили встревоженные родители-славки, но и они не могли помочь своему сыночку.

Тогда самый тихий мальчик во дворе, по имени Степа, которого обычно не было слышно в общем гаме, предложил: «Давайте построим ему новый дом. Прямо здесь, на этой липе, но пониже». Идея всем понравилась. Дело закипело. Папа Кати принес старую плетеную корзинку для letters. Ребята нащипали мягкой травы, пуха с одуванчиков и сложили все это в корзинку, получилось уютное гнездышко. Папа аккуратно прикрепил его к нижней, но очень надежной ветке липы, прямо под старым гнездом.

В новое гнездо бережно пересадили Пика. Он сразу же затих, почувствовав под собой знакомую твердость. А совсем скоро к нему спустились его родители. Они принесли ему настоящей, правильной еды – fat гусеницу. Пик радостно раскрыл клювик.

Следующие несколько дней стали для Пика и всего двора временем большого обучения. Родители-славки терпеливо учили его летать. Он делал первые неуклюжие прыжки с ветки на ветку, шлепался в траву, и ребята снова осторожно подсаживали его обратно в корзинку. Никто не ругал его за неудачи. Все только подбадривали: «Давай, Пик, ты сможешь!»

И однажды утром случилось чудо. Пик, разбежавшись по ветке, отчаянно замахал крылышками и... полетел! Сначала неуверенно, зигзагами, цепляясь за воздух, но потом все смелее и смелее. Он поднялся к самому старому гнезду, покружил вокруг него и снова спустился к своей корзинке-спасательному кругу. А потом присоединился к родителям, чтобы летать уже по-настоящему.

Во дворе все заплодировали. Они не просто спасли маленькую жизнь. Они подарили небу нового жителя. И каждый, глядя на смешного Пика, понимал, что даже самая маленькая и слабая лапка заслуживает шанса подняться к солнцу. А Степа, скромный мальчик, впервые почувствовал себя настоящим героем. Ведь именно его тихий голос подсказал, как проще всего сделать доброе дело.

Рассказ 6: «Секрет старого маяка»

На самом краю города, где улицы переходили в каменистый берег, а крики чаек заглушали шум машин, стоял старый маяк. Он был не просто высоким; он был молчаливым стражем, хранителем бесчисленных историй и штормов. Но уже много лет его огромная лампа не зажигалась. Люди перешли на современные навигационные системы, и маяк, как и его смотритель, старый Лонгрэн, стал считаться ненужным пережитком прошлого. Лонгрэн был таким же молчаливым и замкнутым, как и его каменный друг. Он ходил по пустым комнатам маяка, смотрел на бесконечное море и иногда что-то негромко бормотал ему в ответ, будто ведя беседу.

Дети из припортового района обходили маяк стороной. Они сочиняли про него страшные истории: что там живет призрак старого капитана, что в подвале томятся сокровища с пиратских кораблей, а сам Лонгрэн – колдун, который может наслать туман. Лишь одна девочка, дочь рыбака по имени Ирка, не боялась. Ей было интересно, что же на самом деле скрывается за толстыми стенами. Она часто видела, как старик выходит на скалу и подолгу смотрит в горизонт, и его поза выражала не злобу, а какую-то глубокую, тихую печаль.

Однажды осенним днем, когда ветер начал злиться и срывать с волн белые гребешки пены, Ирка отправилась на берег собирать цветные камушки. Внезапно на море налетел шквал. Дождь хлестал как из ведра, видимость упала почти до нуля. Ирка спряталась под нависающей скалой, но стало страшно и очень холодно. И тогда сквозь шум ветра и рокот волн она услышала новый звук – настойчивый, металлический скрежет. Она выглянула из своего укрытия и увидела огонек. Не яркий, а тусклый, желтоватый, но он мерцал на вершине старого маяка. Он горел неровно, будто мигая, то почти пропадая, то снова появляясь.

Это было так неожиданно, что Ирка забыла о страхе. Кто это мог быть? Лонгрэн? Но зачем? Маяк давно заброшен. Решимость пересилила боязнь. Промокшая и продрогшая, она подбежала к тяжелой дубовой двери маяка и изо всех сил постучала в нее кулаком. Дверь со скрипом отворилась, и в щели показалось удивленное, испуганное лицо старика. «Девочка? Что ты здесь забыла в такую погоду? Быстро заходи!» – его голос был хриплым, но не злым.

Ирка оказалась в круглой комнате. Воздух пах солью, старым деревом и маслом. И тут она увидела источник света. Посреди комнаты, на верстаке, стояла самая обычная, но очень большая и старая керосиновая лампа. Рядом лежали тряпки, инструменты, и Лонгрэн, судя по всему, пытался ее починить. «Я видел, как шторм налетел, – пробормотал он, смущенно отводя взгляд. – Вдруг кто-то в море? Современные штуковины... они тоже иногда ломаются. Негоже, чтобы маяк совсем не светил».

В этот момент Ирка поняла все. Он не был колдуном или злым отшельником. Он был последним стражем. Человеком, который не мог поступить иначе, даже если весь мир считал его дело бессмысленным. Он берег последний огонек надежды для тех, кто, возможно, в нем уже и не нуждался. «Я могу помочь!» – неожиданно для себя сказала Ирка. Она подбежала к лампе и стала аккуратно подавать старику инструменты, которые он молча просил взглядом. Они работали вместе: ее маленькие проворные руки и его старческие, дрожащие, но полные упрямой решимости пальцы.

И вот, после того как Лонгрэн с силой додул стекло и поправил фитиль, свет вспыхнул ровно и ярко. Он был таким теплым и сильным, что осветил все уголки комнаты и высушил капли дождя на куртке Ирки. Старик вздохнул с облегчением. Он посмотрел на девочку, и в его глазах впервые зажегся не отраженный, а свой, живой огонек – благодарности. «Спасибо, помощница, – сказал он. – Теперь хоть совесть спокойна».

На следующее утро шторм стих. История о том, как Ирка пряталась в маяке и как они со старым Лонгрэном чинили лампу, облетела весь поселок. Дети перестали бояться. Они стали

по очереди навещать маяк, сначала из любопытства, потом – по-настоящему. Они помогали Лонгрену подметать площадку, мыть толстые стекла фонаря, приносили ему еду из дома. А он, отгаивая, начал рассказывать им нестрашные истории – о добрых великанах-китах, о дельфинах, что спасают людей, и о кораблях, которые всегда находят путь домой, если у них есть хоть крошечный огонек, на который можно ориентироваться.

Маяк так и не включили официально. Но теперь каждую бурную ночь на его вершине зажигался ровный, теплый свет старой керосиновой лампы. Это был уже не сигнал для кораблей. Это был символ. Символ того, что никакая старая вещь и никакой старый человек не бывают ненужными, пока есть те, кто помнит, зажигает и готов принести свой маленький лучик, чтобы общий свет стал ярче. Ирка и Лонгрен нашли друг друга, чтобы напомнить всем этот простой и самый важный секрет.

Рассказ 7: «Библиотека забытых мелодий»

В самом сердце города, за высоким кованым забором, поросшим плющом, стоял дом, не похожий на все остальные. Это была старая библиотека, построенная еще в те времена, когда город был маленьким и тихим. Её стены помнили шепот множества голосов, а воздух внутри был густым и сладковатым, пропитанным ароматом старой бумаги, кожаных переплетов и легкой, едва уловимой пыли, которая казалась не пылью вовсе, а истончившейся памятью минувших лет. Дети обходили это место стороной, считая его скучным и безжизненным, предпочитая яркие экраны гаджетов тусклым коридорам, хранящим мудрость веков. Только одна девочка по имени Вера, дочь последнего библиотекаря, чувствовала в этом месте особенную, таинственную жизнь. Ей казалось, что книги по ночам перешептываются между собой, рассказывая истории, которых нет ни в одной аннотации.

Однажды, разбирая фонды в самом дальнем и заброшенном крыле библиотеки, предназначенном под склад, Вера сделала удивительное открытие. Задвинув тяжелый стеллаж с потрескавшимися корешками юридических трактатов позапрошлого века, она обнаружила за ним небольшую потайную дверцу, настолько низкую, что пройти в нее мог только ребенок. Дверь не была заперта. Со скрипом, который прозвучал как вздох облегчения после долгих лет забвения, она поддалась, и Вера оказалась в крошечной круглой комнате без окон. Комната была пуста, если не считать странного предмета, стоявшего посередине на резной деревянной тумбе. Это был не книжный шкаф и не сундук. Это был огромный, невероятно сложный механический оркестрион – музыкальный ящик невиданных размеров, напоминавший гибрид шарманки, пианино и часового механизма. Его деревянный корпус был украшен изящной резьбой: диковинные птицы, нотные знаки, танцующие феи и спящие драконы. Но самое удивительное ждало Веру внутри. Вместо привычного валика с шипами или перфорированных дисков механизм был устроен иначе: его сердцем были книги. Небольшие, размером с ладонь, тонкие фолианты в бархатных и кожаных переплетах, вместо букв на их страницах были аккуратные ряды отверстий, похожих на нотную перфорацию.

С замиранием сердца Вера взяла одну из ближайших книжечек. На её обложке серебряной краской было выведено: «Увертюра к летнему утру, 1898 год». Дрожащими пальцами она, следуя интуиции, вставила её в специальную щель на передней панели оркестриона, взялась за массивную рукоятку сбоку и медленно повернула её. Механизм ожил. Десятки шестеренок, рычажков и валиков пришли в движение с тихим, мерным пощелкиванием. И через мгновение комната наполнилась музыкой. Но это была не простая мелодия. Это было чудо. Звуки флейты и скрипки были такими чистыми и живыми, что, казалось, их издают не металлические штырьки и деревянные трубки, а невидимые музыканты. И с каждой нотой в воздухе появлялись и наполняли комнату не просто звуки, а ощущения: запах свежескошенной травы, прохлада утренней росы, первые робкие лучи солнца, пробивающиеся сквозь листву. Это была не музыка, это было заклинание, переносящее того, кто её слышит, в самый центр того самого летнего утра 1898 года.

Вера провела у оркестриона несколько часов, меняя одну книгу-мелодию за другой. Каждая была уникальным миром: «Танец снежинок, 1905» окутывал ледяной свежестью и заставлял видеть причудливые зимние узоры на стенах; «Шепот старого дуба, 1910» наполнял комнату гулом веков и терпким запахом древесины; «Бал усталых кукол, 1922» – легкой грустью, ароматом воска и пудры, и звуками тихого, немного печального вальса. Вера поняла, что нашла не просто музыкальный инструмент. Она обнаружила Библиотеку забытых мелодий – хранилище утраченных эмоций, моментов, запахов и чувств, которые кто-то когда-то сумел обратить в ноты и запереть в этих волшебных книгах.

Воодушевленная открытием, она решила показать его своему однокласснику, мальчику по имени Артем. Артем переживал не лучшие времена: его семья переехала в город из-за работы родителей, он скучал по старому дому и друзьям, замкнулся в себе и почти ни с кем не разговаривал. Вера привела его в тайную комнату. Она видела, как его глаза, обычно потухшие, широко распахнулись от изумления. Она вставила мелодию под названием «Первый луч надежды, 1934». Зазвучала музыка, одновременно грустная и светлая, полная тоски по чему-то утраченному и веры в что-то новое. И тогда с Артемом произошла перемена. Он не сказал ни слова, но по его щеке скатилась слеза. Он подошел к оркестриону и осторожно, почти с благоговением, потрогала его резную поверхность. «Это... это как у меня внутри», – прошептал он, и это были первые слова, которые Вера слышала от него за последний месяц.

С этого дня тайная комната стала их убежищем. Вера и Артем проводили там все свободное время. Они не просто слушали мелодии; они начали изучать механизм, нашли чертежи и дневники прежнего хранителя – глухого часовщика, который и построил этот оркестрион, чтобы «слышать» музыку сердцем и кожей. Они узнали, что некоторые книги-мелодии были повреждены временем, их перфорация порвана, и они уже не звучали. И тогда Артем, у которого были золотые руки, предложил попробовать их починить. Кропотливо, словно хирурги, они с помощью тончайших инструментов восстанавливали порванные страницы, сверяясь с дневниками часовщика. Это была медитация, работа души. И самым удивительным было то, что, ремонтируя чужие, забытые мелодии, Артем чинил и самого себя. Его тоска и одиночество уходили, растворяясь в ритмичном тиканье механизма, сменяясь сосредоточенностью и тихой радостью созидания.

Однажды они нашли совершенно пустую книгу с чистыми, неперфорированными страницами и надписью на обложке: «Новая мелодия. Вписать сердцем». И они поняли, что пришло время создать что-то свое. Не восстанавливать старое, а родить новое. Артем принес свою старую гармонику, на которой учился играть в детстве. Он наигрывал простой, но искренний мотив о своем старом доме, о друзьях, о переезде и о новой надежде. А Вера в это время с невероятной осторожностью, острием шила, делала отверстия на чистой странице книги, пытаясь перенести в материальный мир музыку его души. Это был долгий и сложный процесс, но они справились.

Они вставили новую, только что рожденную книгу в оркестрион. И когда полилась их собственная, немного наивная, но бесконечно чистая и добрая мелодия, которую они назвали «Дорога домой, которая всегда с тобой», в комнате произошло чудо. Стены тайной комнаты, которые всегда были каменными, вдруг проглядели. Исчезли. И вместо них возникли образы: старый двор Артема с качелями, его новые друзья из этого города, бегущие ему навстречу, и сама библиотека, сияющая как маяк. Они поняли, что сила оркестриона была не в ностальгии по прошлому, а в способности врачевать души, соединять времена и сердца, превращая личную боль в общую красоту.

Слух о волшебной комнате и её хранителях постепенно распространился по городу. Сначала туда робко заглянули другие дети, потом взрослые. Вера и Артем стали проводниками в этот мир забытых и вновь обретенных чувств. Старая библиотека, которую уже собирались закрывать из-за недостатка финансирования, вдруг ожила, наполнилась смехом, разговорами и, конечно же, музыкой. Она превратилась из хранилища книг в хранилище человеческой души. А Вера и Артем, нашедшие друг в друге лучших друзей, поняли самую главную тайну: самая ценная мелодия – это та, что рождается в сопереживании, в сотворчестве, когда два одиночества встречаются и создают что-то прекрасное, что навсегда становится достоянием всех, кто в этом нуждается. И эта мелодия уже никогда не будет забыта.

Рассказ 8: «Хранительница тишины»

В том районе, где серые многоэтажки подпирали небо, а гул машин был постоянным, как собственное дыхание, жила девочка по имени Лика. Она была тихой и замкнутой, и её главной странностью, которую не понимали ни одноклассники, ни даже учителя, была её невероятная, почти сверхъестественная чувствительность к звукам. Для Лики мир не был просто громким или тихим. Он был соткан из миллионов звуковых нитей, каждая из которых тянулась прямо к её нервам. Резкий скрежет тормозов мог вызвать у неё настоящую физическую боль, оглушительный смех в школьном коридоре – дезориентировать, а грохот строительной техники за окном – лишить сна. Её спасали только большие наушники с шумоподавлением, но и они были тяжёлым шлемом, стеной между ней и миром. Дети шептались, что она «не от мира сего», и постепенно Лика стала настоящей невидимкой, призраком, который молча сидит на задней парте и смотрит в окно, стараясь не существовать.

Её единственным убежищем был крошечный сквер между домами, где росли старые, пыльные тополя. Он был некрасив и запущен, но именно здесь, сидя на скамейке с облупившейся краской, Лика могла на время снять наушники и поймать моменты почти идеальной, зыбкой тишины, нарушаемой лишь шелестом листьев и редким чириканьем воробьёв. Однажды, спасаясь от оглушительного грохота отбойного молотка, раздиравшего асфальт у подъезда, она забежала в этот сквер глубже обычного, в его самую чахлую, дальнюю часть, заросшую бурьяном и крапивой. И там, споткнувшись о скрытый в траве кирпич, она упала прямо на руки старой, мхом покрытой каменной фигуры. Это была статуя, а вернее, то, что от неё осталось: сколотый нос, потрескавшиеся руки, но с невероятно добрым и печальным лицом. Это была фигура Ангела Молчания. О нём никто не помнил, его история давно стерлась, как надпись на постаменте.

Лика, потирая ушибленную коленку, вдруг замерла. Она прикоснулась ладонью к шершавому камню – и её накрыло. Не звуком. Его полной, абсолютной противоположностью. Внутри её головы, всегда звенящей от городского гула, воцарилась такая глубокая, бархатная, всепоглощающая тишина, какой она никогда не знала. Это была не пустота, а наполненность безмолвием, невероятно целительным и спокойным. Это длилось всего мгновение, но ощущение было таким ярким, что у Лики перехватило дыхание. Она поняла, что этот разрушенный ангел – не просто кусок камня. Он был хранителем. Хранителем тишины.

С этого дня её жизнь обрела смысл. Она стала тайной хранительницей этого места. После школы она пробиралась к ангелу, приносила с собой щётку и аккуратно счищала с него пыль и мох, сажала у его подножия неприхотливые цветы – бархатцы и ноготки, принесённые в кармане из дома. Она могла часами просто сидеть рядом, положив ладонь на холодный камень, наслаждаясь тем кратковременным затишьем, которое он ей дарил. Это было их тайное общение. Она рассказывала ему без слов о своей боли, о страхе перед громким миром, о тоске по пониманию. А он делился с ней своей древней, каменной силой – силой терпения и молчаливого наблюдения.

Но однажды её убежище обнаружили. Местные подростки, искавшие место для тайных встреч, наткнулись на заросшую поляну. Они сломали несколько веток на ближайших кустах, громко смеялись и включили на полную мощность музыку из телефона. Лика, подходившая к своему месту, замерла за стволом дерева, чувствуя, как знакомый ужас и беспомощность сковывают её тело. Она видела, как один из парней, желая похвастаться перед друзьями, замахнулся и пнул ногой постамент ангела. «Смотрите, уродина!» – прокричал он. И в этот мир с Ликой случилось нечто. Это была не её боль. Это была боль ангела. Острая, режущая, как нож, волна прошла через её ладонь, всё ещё помнившую прикосновение к камню. Она не смогла молчать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.